

Максимилиан Александрович Волошин

Заметки 1917 года

*Часть сборника
Статьи о революции*

Максимилиан Волошин
Заметки 1917 года

«Public Domain»

1920

Волошин М. А.

Заметки 1917 года / М. А. Волошин — «Public Domain», 1920

«Очень вредно и бессмысленно, когда формулы и требования одной области общественного строительства переносятся целиком в другую. Принцип равенства (демократизации), вполне разумный и справедливый в области правовой, становится губительным, когда его применяют в той области, где всё основано на порыве к лучшему, высочайшему, т. е., где всё зиждется не на демократизме, а «на» аристократизме. Если для мира материального принцип демократизма верен и необходим, то настолько же для мира духовного необходим принцип аристократизма...»

© Волошин М. А., 1920

© Public Domain, 1920

Содержание

Демократизация искусства	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Максимилиан Волошин

Заметки 1917 года

Демократизация искусства

Очень вредно и бессмысленно, когда формулы и требования одной области общественного строительства переносятся целиком в другую. Принцип равенства (демократизации), вполне разумный и справедливый в области правовой, становится губительным, когда его применяют в той области, где всё основано на порыве к лучшему, высочайшему, т. е., где всё зиждется не на демократизме, а «на» аристократизме. Если для мира материального принцип демократизма верен и необходим, то настолько же для мира духовного необходим принцип аристократизма.

В моменты революций, когда совершается демократизация учреждений и методов управления, совершенно нормально говорить об аристократизации искусства.

Глубоко ложен принцип «искусство для всех». В нем выявляется ложная демократизация. «Искусство для всех» вовсе не подразумевает необходимой ясности и простоты, это было бы прекрасно, – нет, в нем есть губительное требование об урезке роста мастера в уровень с современными ему невежеством и дурным вкусом, требование «общедоступности», азбучности и полезности. Искусство никогда не обращается к толпе, к массе, оно говорит отдельному человеку, в глубоких и скрытых тайниках его души.

Искусство должно быть «для каждого», но отнюдь не для всех. Только тогда оно сохранит отношение индивидуальности к индивидуальности, которое и составляет смысл искусства, в отличие от других ремёсел, обслуживающих вкусы и потребности множеств.

* * *

Силы мира внешнего безразличны: они могут становиться и добрыми, и злыми, в зависимости от воли человека.

Каждая новая сила, завоеванная человеческим знанием, преображает моральный мир человека, но это преображение совершается тысячелетиями и посредством ряда катастроф.

Сила дает преимущество тому, в руках кого она находится. На почве эгоизма это преимущество немедленно становится насилием одного или группы людей над другими. Это ведет к катастрофическим столкновениям, к овладению силой новыми группами и, в результате вековых колебаний и столкновений, к механической выработке необходимой доли альтруизма, самоотказа, самоограничения, то есть – общности.

Таким образом, весь современный государственный строй является окончательным следствием того ряда добровольных самоограничений, которые вытекли из открытия человеком огня.

Огонь выделил человека из порядка других хищников, но он еще не выплавил до конца человеческие элементы из звериных.

Только в последние века своего существования человечество получило новую силу, не только равносильную, но превосходящую силу огня – силу взрыва. Вернее, силу внезапного увеличения объема, высвобождения энергии, находящейся в состоянии пассивного равновесия. Оно получило ее хотя и быстрыми этапами, но постепенно: сперва в безобидном виде пара, давшем интервал для создания промышленности, потом в виде взрывчатых веществ, далеко превосходящих порох, которые, в соединении с всемирной жадностью, созданной силами пара, подготовили кризис современной войны. Но до первоисточка этого порядка материальных

сил – до интраатомной энергии мы еще не дошли. Катастрофические колебания человечества достигнут наибольшей степени напряженности, когда эта абсолютная материальная сила, а вместе с нею и власть над рождением и смертью материи, будет дана в руки человека: наши битвы народов будут, по сравнению с теми, казаться такой же спортивной идиллией, как нам кажутся теперь битвы античного мира.

Любовь в чистом творческом виде только мыслима для человека. В действительной жизни мы ее видим только в смешанном, нечистом виде. Смешиваясь с материальным миром, проникая физический мир человека, она становится земным пламенем, страстью, приобретает лик ненависти. Проникая вещество, она становится взрывчатой, другими словами, материя, упорствуя своему преобразению, разлагаясь, высвобождает свою интраатомную энергию.

Поэтому все проявления любви в мире материальном носят характер крайней жестокости и как бы противоречат самой сущности любви. Таковы проявления исторического христианства.

«Сих косных тел алкание и злоба –
Лишь первый шаг к пожарищам любви...»

Как в настоящей эпоху каждый, исследуя мир, от мельчайшего его проявления воспринимает мудрость, но совершенно лишенную любви, лишенную, с нашей точки зрения, морального двигателя, так человечество будущей вселенной, которое будет жить во вселенной, созданной нами, будет воспринимать в каждом проявлении его не мудрость, а любовь.

Отсюда 2 вывода: из законов внешнего мира мы не можем вывести для себя никакого морального долженствования (по нем мы учимся только ремеслу творчества), но мы можем и должны способствовать его образованию. С другой же стороны, мы творим изнутри себя законы любви, которые отнюдь не согласуются и не вытекают из законов мира внешнего. Если познание – разум, то любовь – безумие. И то, и другое необходимо для развития мира, и основная моральная задача человека – согласить их в своих действиях: не мешая и сотрудничая работе духов-строителей, внести в нее свою стихию любви. Безумию дать разумное творческое русло. Здравый смысл увенчать ореолом безумия.

Мы живем в эпоху, когда всё сдвинуто в мире, нет устоев, нет чувства тяжести, мы не знаем, где верх и низ. Европа сорвана войной, Россия сорвана революцией. Наступило время, когда надо, с закрытыми глазами, как слепому, внутри себя нащупать те тяготения, те точки опоры, которые ускользнули в мире внешнем.

Две силы есть у творческой воли человека: познание и любовь.

Познание – сила негативная. Когда человеческий разум восходит в обратном порядке по ступеням творения небесных иерархий – духов-строителей мира, – это является разумным познанием. Познание – это творчество, развернутое в обратном порядке. Понимание – негативный отпечаток творения.

Все положительные творческие силы человека – в любви. Любовью он вносит в мир новое, ею он сочувствует в работе Иерархий в качестве одной из них.

Задачу человека в мире можно определить так: человек погружен во вселенную мудрости, в которой всё связано архитектурой причинности. Его задача оставить после себя вселенную любви.

Из двух основных требований: познания и любви – вытекает и отношение индивидуальности к настоящему и будущему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.